

МАРШАЛ ДАВУ И ПЕРЕХОД ОТ ЭЛЬБСКОГО НАБЛЮДАТЕЛЬНОГО КОРПУСА К ПЕРВОМУ КОРПУСУ ВЕЛИКОЙ АРМИИ ЛЕТОМ 1812 ГОДА

Рубини Франческо

Старший преподаватель, Российский университет дружбы народов им. Лумумба
francesco.rubini@mail.ru

MARSHAL DAVOUT AND THE TRANSITION FROM THE CORPS D'OBSERVATION DE L'ELBE TO THE FIRST CORPS OF THE GRANDE ARMÉE IN THE SUMMER OF 1812

Rubini Francesco

Summary: The following article presents a good number of sources that describe the administrative and structural evolution of the French Corps d'Observation de l'Elbe into the First Corps of the Grande Armée in 1812. In addition to the main points expressed by the author, the article brings to the attention of the Russian reader the contribution made in the field by a wide range of works published by foreign research, many of which have not yet been translated into Russian.

Keywords: Grande Armée, Russian Campaign, 1812, Corps d'Observation de l'Elbe.

Аннотация: В данной статье представляются материалы, описывающие административную и структурную эволюцию Эльбского наблюдательного корпуса в Первый армейский корпус Великой армии в 1812 году. В сопровождение главных тезисов автора, параллельно представляется вниманию российского читателя вклад широкого ряда трудов зарубежных исследователей, из которых многие по сей день не имеют перевода на русский язык.

Ключевые слова: Великая армия, Русская кампания, 1812 год, Эльбский наблюдательный корпус, Эльбский обсервационный корпус.

Введение

Преобразование Эльбского наблюдательного (или обсервационного) корпуса в 1-й Корпус Великой армии было не просто административным изменением, а кульминацией многих лет меняющихся союзов, дипломатических маневров и военной перекалибровки в самом сердце Европы. Тильзитский мир 1807 года временно стабилизировал франко-российские отношения, но мир был непростым и чреватым взаимными подозрениями. Навязывание Наполеоном Континентальной системы, призванной парализовать Англию экономически, запретив европейскую торговлю с островным государством, оказало огромное давление на экономику и суверенитет России [1]. Российские купцы и дворяне, измученные блокадой, оказали давление на царя Александра I, чтобы тот искал альтернативы, и к 1810 году Россия начала постепенно смягчать меры по обеспечению соблюдения эмбарго, вызывая таким образом гнев Наполеона [2].

Помимо прочего, усугубляли эту напряженность споры из-за Польши. Герцогство Варшавское, французское государство-сателлит, выделенное из земель, уступленных Пруссией и Россией, рассматривалось царем как потенциальный и опасный плацдарм для французской

экспансии на восток. Отказ Наполеона гарантировать границы герцогства или отказаться от поддержки польских национальных устремлений еще больше встревожил российский двор. Еще в 1810 году французская разведка сообщила об увеличении концентрации русских войск в сегодняшних Литве и Белоруссии, и к весне 1811 года обе стороны готовились к возможной войне.

Стратегический ответ Наполеона проявился при помощи двух решений: во-первых, укрепить под его влиянием восточные границы Европы мощным военным контингентом, а во-вторых, создать гибкие, мобильные силы, способные как к наблюдению, так и к быстрым наступательным действиям. Именно в этой связи и родился Эльбский наблюдательный корпус, его создание было формализовано императорским указом в конце 1811 года [3].

Материалы и методы

Источниковую основу статьи составляют, во первых, архивные материалы, отражающие организационные и тактико-стратегические аспекты деятельности Эльбского наблюдательного корпуса и Первого корпуса Великой армии в преддверии вторжения в Россию летом 1812 г.; используются также материалы из фон-

да «Archives Nationales» Франции, а также из «Service Historique de la Défense». Дополнительные материалы дают первые Бюллетени Великой Армии за 1812 г., уже ранее собранные, переведенные на итальянский и опубликованные автором данной статьи [4], позволяющие сопоставить официальную интерпретацию задач корпуса с реальным ходом его развёртывания.

Вторую группу источников образуют мемуары и записки участников кампании, где отражены восприятие маршала Даву и его корпуса современниками. Предлагаются тексты авторов, представляющих французскую, российскую и «общегерманскую» перспективы и позволяющих реконструировать образ Даву как командира и характер дисциплины, и повседневность службы в корпусе. Для уточнения состава офицерского корпуса и динамики потерь привлекаются справочные и энциклопедические издания по Великой армии. Помимо этого, в данной работе было уделено большое внимание на труды зарубежной историографии на иностранном языке, которые, увы, по сей день не особо известны в России.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, объективности и системного подхода, общепринятые в современной историографии наполеоновских войн. В работе используются следующие методы: проблемно-хронологический, сравнительно исторический, а также элементы источниковедческого, нарративного и дискурс анализа. Отдельное внимание уделяется соотношению административно-стратегического и институционального уровней.

Обзор литературы

Исследовательская традиция, посвящённая маршалу Л.Н. Даву, сформировалась в русле более широкой историографии наполеоновских войн и Отечественной войны 1812 г., где долгое время доминировали военно-описательные и биографические подходы. Ранние работы XIX – начала XX вв. концентрировались преимущественно на боевых эпизодах (Ауэрштедт, Ваграм, Бородино) и рассматривали Даву как одного из «лучших полевых маршалов» Наполеона, уделяя сравнительно меньше внимания институциональной эволюции его корпуса в 1812 г.

Современная зарубежная историография кампании 1812 г. акцентирует внимание на стратегических и логистических аспектах похода, включающих вопросы развёртывания и снабжения корпусов Великой армии, но, как правило, не выделяет специально переход Эльбского наблюдательного корпуса в Первый корпус как самостоятельную проблему. Наполеоновские синтезы Д. Чандлера и последующих авторов фиксируют высокую боевую эффективность соединений Даву, однако анализ организационной трансформации лета 1812 г. остаётся

встроенным в общий нарратив подготовки похода.

В отечественной историографии Отечественной войны 1812 г. внимание традиционно сосредоточено на мотивах Наполеона, планах вторжения и действиях российских армий, в то время как структура и внутренняя динамика изменений в французских корпусах, соответственно и Даву, выступают скорее фоном для общего обсуждения генерального состава и развития боевых действий.

Несмотря на то, что в новейших исследованиях наблюдается возрастающий интерес к вопросам профессионализации, дисциплины и управленческих практик командиров корпуса, комплексного изучения именно перехода от Эльбского наблюдательного корпуса к Первому корпусу Великой армии, объединяющего политический, стратегический и личный уровни анализа, в доступной литературе пока не представлено, что и определяет научную новизну и актуальность настоящей работы.

Результаты

Назначение маршала Даву в качестве командующего Эльбского наблюдательного корпуса было неслучайным, а обдуманым решением со стороны Наполеона: репутация Даву как человека с безупречной дисциплиной, организаторским гением и личным мужеством была выкована в горниле Аустерлица, Ауэрштедта и Экмюля [5]. Подход Даву к командованию основывался, в соответствии с его временем, на просветительской традиции рационального управления и эмпирического наблюдения. Его переписка изобилует ссылками на необходимость точных отчетов, регулярных инспекций и ведения подробных реестров для людей, лошадей и иных средств. На этот счет стоит упомянуть то, что, в одном письме своему начальнику штаба генералу Ревесту от 3 января 1812 года Даву писал: «Порядок — душа армий: без него, храбрость и численность пропадают даром. Каждый человек должен знать свое место, каждый офицер — свой долг» [6]. Этот дух характеризовал весь Корпус. Более поздние наблюдатели, такие как прусский офицер связи фон Мюффлинг, отмечали «железную дисциплину» и «неиссякаемую энергию» людей Даву, противопоставляя их более расслабленным формированиям под руководством других маршалов [7]. Результатом стал армейский корпус, который еще до начала кампании был признан самым грозным во всей французской армии.

Внутренняя организация Эльбского наблюдательного корпуса отражала как стандартную наполеоновскую дивизионную систему, так и личные нововведения Даву. К февралю 1812 года корпус состоял из трех основных пехотных дивизий, одной кавалерийской бригады и существенного артиллерийского резерва. Каждая дивизия

подразделялась на бригады, полки и батальоны с прикреплёнными ротами вольтижеров, гренадеров и сапёров.

Административные реформы Даву вышли за рамки простой дисциплины. Он ввел систему регулярных письменных отчетов от каждого батальона и эскадрона, которые ежедневно обобщались в штабе дивизии и направлялись в штаб корпуса. Эти отчеты включали не только численность личного состава и состояние оборудования, но и заметки о моральном состоянии, здоровье и состоянии лошадей и повозок. В этой связи стоит отметить, что Даву был пионером в использовании мобильных полевых пекарен и переносных кузниц – нововведений, которые позже были приняты и другими корпусами [8]. Полевая пекарня позволяла выпекать хлеб близко к линии фронта, что снижало зависимость от стационарных складов. Переносная кузница, тем временем, позволяла кузнецам подковывать лошадей и ремонтировать повозки на марше, что было решающим преимуществом, учитывая плохие дороги и суровый климат Восточной Европы и чрезвычайное значение скорости в подобного рода наступательных операциях. Внимание Даву к медицинскому обслуживанию корпуса было также продвинуто для того периода. Он настаивал на создании полковых лазаретов, обучении санитаров и регулярном осмотре источников воды для предотвращения вспышек заболеваний. Эти меры, хотя конечно не устранили болезни, способствовали относительно низким показателям небоевых потерь в корпусе в первые месяцы 1812 года.

Хотя личные качества Даву были центральными для эффективности Эльбского наблюдательного корпуса, его эволюция сформирована и более широкими изменениями в имперской политике Франции. Видение Наполеона панъевропейской империи требовало не только завоеваний на поле боя, но и интеграции различных национальностей и административных систем. В связи с этим, одной из определяющих характеристик армий Наполеона после 1807 года был их все более многонациональный состав, ведь по мере расширения Французской империи росла и ее потребность войск из присоединенных или подчиненных территорий. Данная реальность была, в частности, особенно выражена в Наблюдательном корпусе Даву: к началу 1812 года, его корпус включал не только французские полки, но также батальоны из ганзейских городов и голландские, бельгийские и даже некоторые вестфальские подразделения [9].

Корпус Даву, размещенный в бывших ганзейских городах и аннексированных территориях северной Германии, служил инструментом как военной власти, так и имперского управления: он отвечал за обеспечение соблюдения Континентальной системы, сбор таможенных пошлин и подавление контрабанды и сопротивления. Отчеты Даву Министерству внутренних дел подробно

описывают проблемы управления этими территориями, включая набор местных вспомогательных войск и введение французского законодательства. Несмотря на это, указания Наполеона Даву подчеркивали важность поддержания видимости законности и справедливости. Одна из них гласит: «Император желает, чтобы с жителями обращались справедливо и твердо; злоупотребления должны быть наказаны, но торговля не должна быть подавлена» [10]. Способность Даву выполнять эти директивы, не ставя под угрозу военную готовность, была свидетельством его административного мастерства, хотя важно подчеркнуть, что присутствие иностранных войск имело все-таки последствия для отношений с местным населением: на самом деле, в ганзейских городах вопрос расквартирования французских и союзных солдат не раз послужил источником напряженности, как это зафиксировано в жалобах Гамбургского сената. Тем не менее, хоть и с одной стороны усилия Даву по минимизации злоупотреблений и оплате реквизиций наличными средствами смягчили некоторые из этих напряжений, скрытая и латентная обида населения осталась, что впоследствии значительно осложнила французские операции в Германии во время отступления из Российской империи.

Важно также отметить, что Наблюдательный корпус служил моделью для интеграции военной и гражданской власти, что была отличительной чертой наполеоновского правления. Данное разнообразие представляло как возможности, так и проблемы. С одной стороны, оно позволяло Наполеону разворачивать более крупные армии, чем могла содержать одна Франция. С другой стороны, оно создавало объективные проблемы языка, лояльности и сплоченности. Даву, будучи всегда прагматичным, решал эти проблемы, настаивая на французском языке как языке командования и интегрируя иностранных офицеров в свой штат, которые могли служить посредниками. Он также ввел единые стандарты дисциплины, независимо от национального происхождения и политических позиций, которая, хоть и иногда наблюдалось недовольство, в целом могла считаться вполне хорошей [11]. Помимо этого, состав корпуса входили не только военные офицеры, но и гражданские администраторы, военные комиссары и юридические советники. Такое слияние функций позволяло быстро принимать решения и эффективно распределять ресурсы, хотя оно, как побочный эффект, порой размывало границы между войной и миром, или оккупацией и администрацией.

Одна из ключевых ролей Наблюдательного корпуса были сбор и анализ разведанных, так как месяцы, предшествовавшие вторжению, стали свидетелями весьма интенсивной разведывательной войны между французскими и российскими войсками. Для достижения этой цели, Даву успешно создал сеть разведчиков, информаторов и офицеров связи вдоль границы, которым было

поручено следить за передвижениями русских и сообщать о состоянии дорог, мостов и складов снабжения. Разведывательный отдел корпуса, возглавляемый майором бароном де Гонневилем, составлял ежедневные рапорты, описывающие действия противника, местные настроения и погодные условия.

Разумеется, не менее важна была и контрразведка. С французской стороны, сотрудники Даву перехватывали и расшифровывали российские депеши, арестовывали подозреваемых шпионов и строго контролировали коммуникации, чтобы ни одно письмо или курьер не прошли незамеченными. Аналогично, с российской стороны активно велись зеркальные действия, широко прибегая к применению казачьих патрулей, местных информаторов и перехваченных французских донесений для оценки численности французских войск. На самом деле, российские службы правильно определили сектор Даву как вероятную ось главного французского наступления, однако недооценили инфраструктурную и людскую мобилизационную способность противника. Одна из причин – это, пожалуй, предпринятые французами меры безопасности, включая использование зашифрованных донесений и запечатанных приказов, которые не позволяли российской стороне получить ясную картину намерений Наполеона до относительно позднего момента.

Расширение и реорганизация корпуса Даву в начале 1812 года потребовали изменений в его командной структуре. Формальный переход от Эльбского наблюдательного корпуса к I Корпусу Великой Армии был осуществлен серией императорских приказов, изданных в конце марта и начале апреля 1812 года. Приказ от 1 апреля предусматривал реорганизацию корпуса в пять пехотных дивизий, две кавалерийские бригады и расширенный артиллерийский резерв. Из Франции, Италии и Нидерландов начали прибывать подкрепления, увеличив численность корпуса до более чем 60.000 человек к середине мая [12]. Личный состав Даву увеличился и включал начальника штаба (генерал Ревест), генерал-адъютанта (полковник Жамен) и генерал-квартирмейстера (полковник Бушю), а также специализированных офицеров по разведке, логистике и медицинским службам. Каждой дивизией командовал дивизионный генерал, которого поддерживал штат адъютантов и комиссаров. Командиры дивизий, генералы Клапаред, Дессе и Компан, все были опытными офицерами с выдающимися заслугами в предыдущих кампаниях. Их способность выполнять приказы Даву и поддерживать дисциплину на уровне дивизии и полка имела решающее значение для боеспособности корпуса. Артиллерия корпуса под командованием генерала Друо была организована как в дивизионные батареи, так и в корпусной резерв. Инновации Друо в развертывании артиллерии, включая использование массивных батарей и быструю перемещение, позже оказались бы решающими в не-

скольких сражениях русской кампании 1812 года.

Реорганизация, однако, не обошлась без проблем. Интеграция новых подразделений, многие из которых состояли из иностранных солдат или ранее не служившие вместе, требовала тщательного управления. Штаб Даву реализовал программу совместных учений и иных мероприятий для укрепления сплоченности и тактической эффективности войск. Настойчивость маршала в отношении единых стандартов строевой подготовки, одежды и дисциплины помогла сгладить языковые и культурные различия.

Российские источники дают ценную перспективу трансформации Эльбского наблюдательного корпуса. Мемуары генерала Ермолова, начальника штаба Барклая де Толли, описывают растущую тревогу в российской штаб-квартире по мере того, как сообщения о сосредоточениях французских войск вдоль Эльбы и Вислы умножались весной 1812 года. Российские разведчики отметили «необычную активность» и «постоянное движение» в секторе Даву, и приказ царя Александра I об укреплении западной границы был прямым ответом на эти события. Как упоминалось ранее, российская разведка, хотя и знала об общем плане французских приготовлений, недооценила скорость и эффективность, с которыми Наблюдательный корпус был преобразован в полномасштабную и боеспособную сухопутную армию [13]. Этот просчет имел серьезные последствия в первые недели кампании, поскольку 1-й корпус Даву был в состоянии продвигаться быстро и в хорошем порядке, опережая как ожидания противника, так и его собственную материально-тактическую подготовку.

Недели, предшествовавшие переправе через Неман, были периодом весьма интенсивной активности, где штаб Даву в Торуня стал центром административной и логистической работы. Ежедневные приказы, сохранившиеся в французских архивах, подробно описывают прибытие новых полков, осмотр артиллерийских парков и перераспределение поставок. Маршал лично обходил каждую дивизию, обращаясь к офицерам и солдатам напоминая им о важности дисциплины, мужества и верности императору. Психологическая обстановка в 1-м корпусе формировалась под влиянием сочетания гордости, тревоги и даже фатализма. Многие офицеры и солдаты считали себя элитой Великой армии, избранной для миссии исторической важности. Боевой настрой в корпусе, на самом деле, был в целом высоким, и масштаб подготовки, присутствие императора и обещание славы — все это способствовало среди солдат чувству предвкушения. В то же время ветераны предыдущих кампаний уже осознавали реальные риски, связанные с кампанией такого масштаба: суровый климат, огромные расстояния и память о предыдущих кампаниях в Польше и Пруссии все-таки нередко умеряли энтузиазм осторожностью.

Касаемо этого аспекта, интересный пример — это слова капитана Куанье и барона Марбо, которые весьма ярко отражают эту двойственность, отмечая, что гордились тем, что их выбрали для такого задания, однако они также осознавали, что многие из них не вернуться. При такой психологической обстановке культурные различия внутри корпуса, будь они между французскими и иностранными войсками, между ветеранами и призывниками или между офицерами и солдатами, управлялись посредством сочетания строгой дисциплины и общих трудностей. Политика Даву поощрения заслуг и наказания проступков независимо от национальности помогла сформировать необходимое чувство единства, однако напряженность сохранялась, особенно по мере того, как корпус удалялся от дома.

Когда 1-й корпус пересек российскую границу и продвинулся на территорию России, он нес с собой в полном объеме наследие Наблюдательного корпуса: традицию дисциплины, инноваций и адаптивности. Переправа через Неман 23–24 июня 1812 года была шедевром логистики и тактики [14]. Инженеры Даву, под командованием полковника Эбле, построили понтонные мосты в рекордные сроки, а авангард захватил дальний берег с минимальным сопротивлением. Основные передовые части следовали дисциплинированными колоннами, и к 25 июня весь 1-й корпус переправился через реку и двинулся к Вильно. За операцией внимательно наблюдали как французские, так и российские хронисты. «Бюллетень великой армии» восхвалял «порядок, скорость и точность» движения, в то время как российские отчеты указывали на неспособность своих собственных войск оказать эффективное сопротивление. Сегодня можем уверенно сказать, что неслучайно первые мгновенные успехи корпуса Даву в сегодняшних Литве и Беларуси во многом были обусловлены именно подготовкой и реформами, проведенными в предыдущие месяцы.

Заключение

Преобразование Наблюдательного корпуса в 1-й Корпус Великой армии по сей день является предметом значительных историографических дебатов [15]. Одни

подчеркивают организационные и логистические достижения Даву и его штаба, утверждая, что корпус установил некий стандарт эффективности и дисциплины, непревзойденный в Наполеоновских войнах, в то время как другие указывают на ограничения данной системы, в частности, на проблемы интеграции многонациональных сил и трудности поддержания сплоченности на больших расстояниях. Параллельно, источники, в свою очередь, предлагают ряд точек зрения. Собственная переписка Даву крайне оптимистична, подчеркивая успехи и преуменьшая трудности, надо признаться, с весьма впечатляющим эпистолярным стилем. Современные мемуары, однако, часто представляют более тонкую картину, признавая напряженность командования, трения между подразделениями и постоянную угрозу нехватки поставок и болезней. По нашим наблюдениям, чаще всего российские историки склонны рассматривать трансформацию корпуса как отражение более широкой стратегической мысли Наполеона, но так же, как предвестник перенапряжения, которое в конечном итоге обрекло бы его вторжение. Оба Ермолов и Глинка, к примеру, отмечают первоначальный успех французского наступления, но утверждают, что те самые качества, которые делали корпус грозным, то есть, его размер, его опора на централизованную логистику и его многонациональный состав подверглись существенному испытанию на прочность.

На основании вышеизложенного, по нашему мнению, можно соответственно прийти к выводу, что образование 1-го корпуса Великой армии было объективно процессом, который сочетал в себе стратегическое предвидение, административные инновации и личное лидерство высочайшего порядка. Можно также отметить, что оно отражал некую характерную динамику наполеоновской Европы того времени: взаимодействие средств дипломатии и военного дела, интеграцию различных народов и систем и неустанное стремление к эффективности и результативности. Результат этой трансформации, в ходе русской кампании 1812 года, проявился не только в начальных победах войск Наполеона, но и в последовавших за ней трудностях и трагедиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Rieber A.J., *The Politics of Autocracy*, Paris, 1966
2. Madariaga I. de, *Russia in the Age of Alexander I*, New Haven, 1981
3. Everest A., *Napoleon's Wars*, London, 2000
4. Rubini F., *Corrispondenza ufficiale e Bollettini della Grande Armata: anno 1812*, Mosca, 2024
5. Forrest A., *Napoleon's Men*, London, 2002
6. Rothenberg G., *The Art of Warfare in the Age of Napoleon*, Bloomington, 1978
7. Hofschröer P., *1815: The Waterloo Campaign. Wellington, His German Allies, and the Battles of Ligny and Quatre Bras*, London, 1998
8. Elting J., *Swords Around a Throne*, New York, 1988

9. Thiers A., Histoire du Consulat et de l'Empire, T. 14, Paris, 1862
10. Correspondance de Napoléon Ier, T. 22, Paris, 1868
11. Planert U., Globalizing the Napoleonic Wars, Basingstoke, 2016
12. Pigeard A., Les Corps d'armée de la Grande Armée, Paris, 2003
13. Толь К.Ф., Дневники 1812 года, СПб., 1902
14. Mikaberidze A., The Napoleonic Wars, Oxford, 2020
15. Bruyère-Ostells W., "Le maréchal Davout et la transformation de la Grande Armée en 1812", in: Revue d'histoire militaire, 4/2010, С. 89–110.

© Рубини Франческо (francesco.rubini@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»